

Заложники судьбы

(Из истории бухарско-еврейских погромов)

Бытует мнение о том, что в странах ислама евреи не подвергались притеснениям, как в христианских государствах. Можно было бы согласиться с этим утверждением, если не знать о многочисленных фактах, которые говорят о другом. Со времён возникновения мусульманства и до наших дней притеснений и гонений на евреев в исламских странах было сколько угодно. Можно привести немало примеров. Обратимся хотя бы к событиям нашего недавнего прошлого.

Вплоть до перестроечных времён - 1990-х гг. какой-либо официальной информация о погромах в Средней Азии, во время революции и гражданской войны, в советской печати не встречались. И это несмотря на то, что эта тема всегда присутствовала в беседах многих наших сородичей из различных общин бухарских евреев городов и местечек этого региона. В памяти очевидцев этих событий, отложились выпавшие на их долю тяжёлые испытания: потеря крова, скитания, голод.

Можно по-разному оценивать отношение к евреям окружающего их местного населения, вызванных ненавистью к чужим, религиозной нетерпимостью, явлениями антисемитизма или просто грабительской психологией. Но, при всём этом, нельзя забывать, что всё происходящее в этом направлении являлось следствием взглядов в умах людей, провоцируемых политикой властей к евреям. Так было при всех властителях и режимах - от царей и императоров, султанов и эмиров, в том числе, при фашистском и коммунистических режимах. По такому же сценарию происходили события, связанные и с еврейскими общинами Средней Азии в различные переломные моменты его истории. И во все времена жизни в диаспоре, как бы не развивались различные события, первыми жертвами всегда становились евреи, которые были самой незащищённой частью общества.

Первое упоминание о погромах в этом регионе была дана в книге нашего старейшего писателя и поэта М. Бачаева (Мухиб) «В каменном мешке», изданной в 1988 г. в Израиле. Автор был очевидцем происшедших тяжёлых погромов в Коканде. Этим событиям посвящена одна из глав книги: «В результате восстания, военных действий и бесчинств разбойничих банд десятки жителей города погибли и пропали без вести. Среди погибших оказалось 85 бухарских евреев. Еврейская община Коканда собирала тела погибших из под обломков разрушенных и сгоревших домов». По его сообщениям погромы проходили по всему городу, в мусульманских и европейских частях города. Далее он пишет, что погромы устраивали банды обеих враждебных сторон, как мусульмане, так и русские вместе с армиями.

Кокандские события в январе 1918 года были первым громом в череде бесчинств и насилий, прокатившихся по всему Среднеазиатскому региону. В дальнейшем погромы и бесчинства прокатились по многим местечкам и поселениям бухарских евреев. В Ферганской долине, кроме Коканда, такие события происходили в Маргелане, Скобелеве(Фергана), Намангане и Андижане; в Кашкадарьинской области – Шахрисябзе, Китабе и Карши. В Зерафшанской долине в 1918 году еврейские погромы прокатились по всей линии железной дороги от Бухары и до Самарканда, где недалеко от них располагались еврейские местечки и поселения - Кармина, Хатырчи, Каттакурган и Пайшанбе. Для примера обратимся к событиям тех лет в одном из местечек, в Кармина.

О погроме (или, как его называли – тала), который оставил тяжёлый след в памяти старшего поколения евреев Кармина, говорили часто и помногу. Долгие годы для жителей Кармина дни погрома являлись отправной точкой многих событий в их жизни. Первоначально в собранных сведениях упоминались две даты погрома: 1918 и 1922 годы. Впоследствии подтвердились обе эти даты драматических событий тех лет. Что же происходило в первом из них, в 1918 году? Попытаемся разобраться в этом.

Привычно и неторопливо проходила жизнь в этих краях. Никто не придавал значения различным слухам о событиях в далёкой России. Не было им дела и до свергнутого там Ак Паши (так здесь называли русского царя). Бухарские евреи, жители Кармина, небольшого городка - крепости Бухарского эмирата на границе с русским Туркестаном, - в основном были заняты своими обычными заботами о куске хлеба и приятными хлопотами в предверии одного из больших праздников - Песаха, который наступал через считанные дни. Готовились к нему заранее, как все наши предки сотни и тысячи лет назад. Вряд ли кто тогда предполагал, что они находятся на пороге великих потрясений XX века, которое вскоре больно и беспощадно ударят и по ним.

Прошло всего несколько месяцев после Октябрьского переворота 1917 года. В Ташкенте, в столице русского Туркестана, как и в Петрограде, власть перешла в руки большевиков. Был сформирован Совет народных комиссаров – СНК – во главе с большевиком Фёдором Колесовым, куда входили, в основном, русские служащие и рабочие ташкентских предприятий.

С первых дней своего существования новые власти, пребывая в состоянии революционной эйфории, предпринимали неоднократные попытки, с помощью дипломатии и военным путём, установить советскую власть и в Бухарском эмирате. Одна из таких попыток пришлась на начало марта 1918 года. Тогда СНК Туркестана, воспользовавшись ложными слухами о революционной ситуации в Бухаре, где проходили мирные шествия, возглавляемые джадидами, направил эмиру Сеид Алимхану ультиматум с требованием отречения от власти и передачи её народу. В это же самое время сам глава СНК Ф. Колесов лично прибыл с

небольшим отрядом в 800 штыков на железнодорожную станцию Каган, расположенную неподалёку от Бухары.

В свою очередь эмир Сеид Алимхан, создав видимость переговоров с посланцами большевиков, тем самым выиграл время, сосредоточив в Бухаре своё воинство в количестве 30 тысяч сабель. Почувствовав свою силу, эмир Сеид Алимхан дал команду уничтожить посланников Колесова, более двух десятков парламентёров с охраной и развить наступление на Каган, где находился штаб красноармейцев.

В самом городе религиозные фанатики, с согласия и поддержке эмира, устроили жестокий террор в Бухаре, где было уничтожено масса людей. Все эти дни жители еврейского квартала находились взаперти в своих домах, в окружении эмирской стражи. Во дворец к эмиру были вызваны представители еврейской общины, которым был дан наказ доставить в течении недели 200 револьверов, 1000 винтовок и 1600 пудов муки. Большая часть этих требований еврейской общиной было выполнено.

Тем временем отряд Колесова, получив сильный отпор, и не получив утешительных вестей о победе революции в Бухаре, приступил к полному отступлению. Так бесславно закончился полным провалом эта авантюра большевиков, позднее вошедшая в историю - как «Колесовская авантюра», приведшая к тяжёлым последствиям для жителей этих мест.

Отступление красноармейцев проходило, теперь уже, по разрушенной на многих участках железной дороге, которые были произведены по приказу эмирских властей местным населением, проживающими вдоль дороги. Отряду, отступающему и восстанавливающему по ходу следования разрушенное полотно железной дороги, ещё приходилось защищаться отседающих конных отрядов противника. Потребовалось почти трое суток, чтобы проехать всего 60 км и добраться до станции Кызыл Тепо. Создавшееся тяжёлое положение для отступающих, вынудило Колесова послать парламентёров к эмиру и просить перемирие. По новому соглашению, красноармейцам было запрещено входить в населённые пункты эмирских владений, следуя только лишь по железной дороге.

Пока шли переговоры на помощь Колесову в Кармина прибыл вспомогательный отряд из Ташкента. «Мы стали отступать вдоль железной дороги. По всему пути от Новой Бухары (Каган. Прим. автора) до Кармина не было ни одной версты не разрушенного железнодорожного полотна, ни одного не разрушенного здания... Совершенно неожиданно, в самый критический момент, к нам на помощь из Ташкента прибыл Колузаев с отрядом. Он взял Кармина, и его разъезды добились связи с нами» - писал в середине 1930-х гг. глава правительства Узбекистана Файзулла Ходжаев в своих воспоминаниях «К истории революции в Бухаре».

А пока воинский состав добирался до станции Кармина, прибывший на подмогу отряд Колузаева разделился на две части. Небольшая часть осталась на станции для ремонта разрушенных путей, другая, получив сведения от русских служащих этой станции о якобы скрывающихся в Кармина виновниках акции на железной дороге, выступила по направлению к виднеющемуся невдалеке городку. Вскоре отряд без единого выстрела вошёл в город, оставленного накануне своим правителем и его людьми. Впоследствии выяснилось, что бек Кармина ещё ранее с своим воинством ушёл на соединение с основными силами эмира под Бухарой. Вот так был «взят» красными этот беззащитный город.

Но зато, войдя в мирный городок, где в основном проживали евреи, красноармейцы согнали всё мужское население на площадь. К толпе, оцеплённой вооружёнными солдатами, один из командиров через переводчика обратился с ультимативным требованием: выдать всех тех, кто участвовал в разрушении железной дороги. На размышление было дано два часа. Несколько человек, по доносу служащих станции, были уведены для допроса в один из домов, находившийся рядом. Вместе с задержанными, по своей инициативе, последовали туда и некоторые старейшины еврейской общины. С большим трудом старейшинам удалось убедить командование отряда в непричастности к этому делу своих соплеменников. Как рассказывали позднее (насколько это верно – судить не берусь), среди военных были евреи-ашкеназы, которые, по их словам, в немалой степени содействовали благоприятному исходу дела и изменению отношения к задержанным.

Но пока суд да дело, город был отдан на разграбление. Красноармейцы за эти два часа совершали бесчинства и грабежи еврейских домов и лавок. Брали всё, что попадало под руку: тюки тканей, ковры и даже различную домашнюю утварь. В это же самое время одна из групп, совершала насилие над попавшими под руку молодыми женщинами. Со всех сторон неслись плач и крики, слышны были и выстрелы. Несколько человек получили огнестрельные ранения. В своём доме была обнаружена без признаков жизни супруга одного из жителей еврейского квартала.

Не успели люди осознать происходящее, как поступило ещё более тревожное сообщение. Воинский дозор, расположенный на самой высокой части крепостной стены, заметил большую массу вооружённых людей движущихся к городу. Встревоженное командование начала наводить порядок среди своих распоясавшихся солдат. Вновь на этой же площади был выстроен весь отряд, которым была дана команда к спешному отходу. Всё что смогли нести красноармейцы - прихватили с собой, а остальное было брошено в общие кучи и предано огню.

Еврейские жители, напуганные внезапно обрушившимися на них событиями, по совету своих старейшин, также решило покинуть город. Ничего хорошего

ожидать было нельзя от надвигающейся вооружённой толпы. Наверное, к этому их подталкивало и обострённое чувство опасности, выработанное веками еврейским народом в тысячелетних странствиях на чужбине.

Люди уходили из города мимо огромных костров из их имущества, не смея дотронуться до них. Шли по той же единственной дороге, ведущей на железнодорожную станцию, по которой отступали и красноармейцы. Толпа брела по голой степи, создавая впечатление некоего действия, воскресающего в памяти людей картины из ежегодно читаемой Пасхальной Агады об исходе из Египта. Правда, на этот раз, евреи, в отличие от того Великого события, шли с узлами уже готовой мацы и бутылками(панчишаги) молодого виноградного вина. Впереди шли молодые мужчины с бережно накрытыми священными Свитками Торы на руках, за которыми следовали и все остальные семьи с детьми и стариками. Шествие вместе с вооружёнными людьми, не то охранявшими, не то подгонявшими евреев, носило, по некоторым поздним воспоминаниям, оттенок насильственного угона. На самом же деле их всех гнала общая смертельная угроза, исходящая от грозно надвигающейся к городу неизвестной толпы.

Добравшись до станции, где к этому времени заканчивались ремонтные работы по восстановлению железнодорожных путей, беженцы попросили у военных разрешение на проезд. Командование разрешило разместиться на свободных местах открытых платформах и в вагонах с лошадьми воинского эшелона, который вскоре взял курс по направлению к Самарканду.

Пока на станции шла подготовка к отправке, оставленный еврейский квартал Кармина подвергся повторному погрому. На этот раз погром сопровождался вандализмом и поджогами, совершаемыми бесчинствующей толпой. Как выяснилось позднее, толпа состояла из местных жителей окрестных селений и кишлаков, которые по заданию эмира Бухары проводили разрушительные акции на железной дороге.

Можно было представить, какая участь ждала еврейских жителей, если бы они вовремя не ушли из города. Весь еврейский квартал был разрушен и сожжён, за исключением считанного количества домов, которое, по словам их хозяев, отстояли служившие у них работники из местных. В поисках мифических сокровищ, связываемых испокон веков с евреями, они даже изрыли землю большинства жилищ и дворов. Вряд ли после такого двойного грабежа могли сохраниться какие-либо ценности, когда, даже уносили простую кухонную утварь и обычные дворовые принадлежности. Многие из воспоминаний указывает на то, что вдохновлённые недавними бесчинствами красноармейцев, в грабежах и поджогах домов, в этих акциях участвовали и местные, мусульманские жители соседних кишлаков и селений, расположенных вокруг Кармина.

В Самарканде беженцы были тепло приняты своими сородичами и размещены в домах и синагогах еврейского квартала. Для помощи беженцам были

организованы благотворительные вечера и мероприятия с сбором пожертвований. По-разному сложились судьбы людей после этого погрома. Часть беженцев осталась в Самарканде, другие в поисках постоянного пристанища навсегда перебрались в другие города и местечки Средней Азии. Но большая часть жителей, испытывая невзгоды и лишения, не найдя пристанища в других краях, постепенно возвращалась обратно в родные места, обустриваясь заново на своих пепелищах.

В связи с произошедшими бесчинствами возникает вопрос: как такое стало возможным в местности, которая ещё находилась под жёсткой властью эмира? Эти и другие вопросы задавались мной и в статье, опубликованной под названием «Загадки истории» в одном из первых номеров газеты «Шофар», издаваемой в Самарканде в 1992 году. Рамки газетной статьи не давали возможности для более полного освещения и разбора происшедшего. А немногочисленные отклики на статью касались в основном спорности моего мнения о негативной роли красноармейцев в этом неблагоприятном деле. Именно по этому в этой работе попытаюсь осмыслить этот двойной погром.

Прежде всего, нужно сказать, что само вступление красноармейцев в Кармина являлось грубым нарушением соглашений, заключённых буквально накануне в Кызыл Тепо. В этих соглашениях с эмирскими властями говорилось о том, что отступление должно проводиться только по железной дороге, находящейся под юрисдикцией России ещё с царских времён. К тому же безответные действия командования красноармейцев, потерявших контроль над своим воинством, привели к насилиям и мародёрству, что ещё более усложнили обстановку в городе, вызвавших страх и панику среди населения. Всё это, по сути дела, спровоцировало последующий погром, совершённый теперь уже неуправляемой толпой, вошедшей в беззащитный город после ухода его жителей.

Легко можно согласиться с тем, что это были басмаческие формирования, если бы не одно обстоятельство: организованное басмаческое движение возникло на территории эмирата, только лишь, после захвата Бухары войсками Советской России во главе с Михаилом Фрунзе в сентябре 1920 году. А сам термин «басмачества», как форма сопротивления советской власти, впервые появился в 1919 году.

Справедливости ради нужно отметить ещё тот факт, что эмир Бухары, узнав о событиях в Кармина, разослал во многие города гонцов с призывом к беженцам возвратиться в свой город с обещанием строго наказать виновных в этих злодеяниях. Не вызывает сомнения, что виновные понесли бы строгое наказание, так как правители Бухары не допускали подобных действий по отношению к своим подданным. Вот только успел ли выполнить своё обещание Сеид Алимхан? Сведений об этом нет – как известно, самому эмиру пришлось удариться в бег, спасаясь от рук большевиков в чужие края, в Афганистан, где он и окончил свои дни в 1943 году.

Стоит ещё добавить, что по некоторым свидетельствам такие же тяжёлые эксцессы в эти мартовские дни 1918 года, периода разборок между красными и эмирскими властями, проходили и в других еврейских местечках Зерафшанской долины – Хатырчи, Каттакургане и Пайшамбе. К примеру, затяжные погромы и налёты из соседних кишлаков вынудили евреев Пайшамбе полностью покинуть свои жилища и навсегда поселиться в других краях. История этих бесчинств и погромов в этих местах ещё ждёт своего исследователя.

Эти погромы ещё раз доказывали, что евреи, как часто это случалось в нашей истории, и на этот раз оказались заложниками чужих интриг и сделок. А что касается отсутствия всякой информации о погромах, так это было обычной практикой Советских властей замалчивать неблагоприятные для неё истины. Тем более, связанные с евреями, о которых вообще не принято было упоминать...

Прошедшие события, на этом не закончились - это было лишь началом беспредела в этих краях, которое длилось, вплоть до середины 30-х годов. Басмаческие банды и группировки часто появлялись вокруг населённых местностей, где их жертвами становились мирные жители, подвергавшиеся грабёжам и разбою. Многих забирали в качестве заложников, с требованиями большого выкупа, которые нередко заканчивались гибелью людей. Но самыми опасными и драматическими были события 1922 года.

Переходя к этим событиям в Кармина, кратко коснёмся его предистории. В советской историографии о гражданской войне этот период характеризуется, как самый тяжёлый после создания Бухарской народной советской республики (БНСР). Это произошло из-за беспринципной и авантюристической политики большевистского правительства в Москве.

В 1920 году Советским правительством под эгидой Коминтерна в Баку был созван съезд народов Востока. На съезд были приглашены видные деятели декларирующие сходные с большевиками взгляды. Участвовал на нём и такая одиозная личность - как Энвер Паша, бывший военный министр Турции, втянувший свою страну в первую мировую войну 1914 – 1918 года. Он был прямым виновником и вдохновителем уничтожения 1,5 млн. армян, проживавших в Османской империи. После заключения мирного договора Энвер Паша был изгнан из страны новым правительством Турции. Приглашая этого «революционера» на съезд большевики преследовали свои авантурные цели по подталкиванию народов Востока к мировой революции.

Но у Энвера Паши были свои честолюбивые планы по объединению тюркоязычных народов под своей властью. Для этого он покидает гостеприимную Советскую Россию и неожиданно появляется в Бухаре. Здесь он сумел склонить на свою сторону, против советской власти, некоторых руководящих деятелей БНСР, в числе которых был и военный министр республики Арифов с частью его войск. Энвер Паша объединил эти силы с всеми разрозненными басмаческими

формированиями и осадил весной 1922 года многие города республики, в том числе и Бухару. Вот таким образом вокруг стен Кармина появились крупные вооружённые формирования басмачей.

После установления советской власти в сентябре 1920 года, город часто подвергался налётам небольших басмаческих групп. Но на этот раз вокруг Кармина появилось крупное соединение басмачей, что вызвало страх и уныние жителей, которые только начинали приходить в себя и обустраиваться после того пережитого погрома 1918 года. Позднее выяснилось, что это крупное формирование состояло из пяти тысяч сабель. Осадой города – крепости командовал мулла Абдукахар курбаши, выходец из этих краёв, известный и почитаемый местными жителями, как один из авторитетных мусульманских священнослужителей.

В самом начале осады одна из внезапных атак, чуть не привела к захвату города. Случилось это в один из базарных дней, когда ранним утром, на плечах спешащих на базар дехкан, через главные ворота в город ворвалась большая группа хорошо вооружённых всадников. Тогда лишь чудо, в лице, служащей медсестрой и поваром небольшого военного гарнизона, спасло город от трагедии. Проснувшись, как обычно, ранним утром, она увидела вооружённых всадников, рвущихся наверх в расположение крохотного гарнизона, состоящего из 17 человек. Долго не думая женщина бросилась к пулемёту, установленному на одном из укреплений цитадели, и открыла огонь в упор. Басмачи не ожидавшие такого отпора, повернули назад, бросая убитых и раненых. Были жертвы и среди мирного населения.

Осада длилась немногим больше недели с каждодневной ожесточённой стрельбой с обеих сторон. Об этих выстрелах, наверное, и писала в своих воспоминаниях «Как я стала актрисой» народная артистка Марьям Якубова, которая жила здесь с семьёй в своей далёкой юности. Вот как она описывает эти события: «Объявили, что все должны перебраться в небольшую мечеть(то есть в синагогу.Прим. автора). Женщины разместились в помещении, а мужчины - во дворе. Всю неделю мы не видели горячей пищи, ели понемногу то, что изредка приносили нам мужчины, выходившие тайком в город. Ночью стрельба затихала, а днём почти не прекращалась».

Жители Кармина, наученные горьким, кто как мог, готовились к худшему. Мужчины помоложе, помогали гарнизону в обороне города, а пожилые и старые – молились в синагоге, прося Вс-вышнего спасения от нависшей опасности. Женщины прятали чудом сохранившиеся у них ценности и сжигали различные документы, выданных новой властью. Тем временем начальник гарнизона, понимая, что своими силами им долго не удержаться, обратился к жителям города за помощью в установление связи с внешним миром. На это обращение откликнулось несколько человек.

С наступлением темноты трое отобранных молодых добровольцев, которых звали - Або Сосон и Сами, предварительно обмотав копыта своих коней, скрытно вышли за стены крепости и вскоре растворились в ночной степи. Обойдя бесшумно все басмаческие заслоны, незаметно приблизились к железнодорожной станции, отстоящий в 8-ми км. от города. На их счастье, вокзал не был занят басмачами. Через единственный линейный телефон они сообщили о грозящей городку опасности. На следующий вечер, на радостях, они решили таким же путём вернуться домой и сообщить осаждённым радостную весть о скорой помощи. Подойдя почти к стенам крепости, они неожиданно натолкнулись на басмаческий дозор. В начавшейся погоне, через предварительно открытые ворота крепости, успели проскочить только двое из добровольцев – Або и Сами. К несчастью третий из них - Сосон, был ранен во время погони и настигнут басмачами. В последствии о его судьбе стало известно со слов пленных басмачей после снятия осады. По их словам, после тяжёлых издевательств, Сосон был растерзан озверевшей толпой.

Через день после этой трагедии на железнодорожную станцию прибыла подмога. Прибывшая воинская часть, не теряя времени, открыла артиллерийский огонь по скоплениям басмачей прямо с платформы этой станции. Не выдержав мощного огня и стремительной атаки красноармейцев, басмачи в панике обратились в бегство. На поле боя осталось много убитых и раненых, а ещё больше басмачей утонуло при переправе вплавь на другой берег реки Зерафшан.

Так закончились драматические события тех лет, которые надолго сохранились в памяти старшего поколения. Но к большому сожалению, из-за давности лет, пока не удалось установить дальнейшую судьбу этой отважной тройки. О погибшем Сосоне стало известно, что он родился в семье Шоломи Кичик, потомки которого получили фамилию Шоломовых. По некоторым данным, он выделялся как активный сторонник советской власти и был комсомольским вожаком молодёжи Кармина.

В заключении, остаётся только добавить, что организатор и вдохновитель той авантюры Энвер Паша был убит, в конце лета того же 1922 года, в одной из стычек с красными отрядами в горах Каратегина, в Таджикистане. Так же в одном из боёв в 1924 году, закончил свой жизненный путь и курбаши Абдукахар, злейший враг Советской власти.

Ашер Токов

